

онъ подчиняется собственной выдумкѣ, увлекается ею за предѣлы здраваго смысла. Такъ, напримѣръ, отвѣчая (въ „Contemplations“) на обвиненія въ литературномъ революціонерствѣ, онъ признаетъ себя, шута, бунтовщикомъ въ области языка, кровопийцей фразъ, террористомъ по отношенію къ Баттѣ. Это все прекрасно и забавно; но, въ концѣ концовъ, поэту начинаетъ казаться, что освобожденіе словъ въ самомъ дѣлѣ равносильно освобожденію мысли, освобожденію человѣка, что Теофиль Готье—продолжатель французской революціи, что поэтъ, положившій конецъ господству перифразы, имѣетъ право на мѣсто рядомъ съ спасителемъ міра. Чтò привело его къ такому чудовищному выводу? Игра словъ, которую онъ возвелъ на степень глубокой истины: *le mot—c'est le verbe, et le verbe—c'est Dieu*. Не ясно ли, что умъ (въ смыслѣ непереводимаго съ точностью французскаго слова *esprit*) необходимъ даже для гения? „Меня могутъ спросить, —такъ заканчиваетъ Фагэ главу объ умѣ В. Гюго, —къ чему я настаиваю на сравнительно неважномъ недостаткѣ человѣка, одареннаго первостепенными достоинствами? Потому, что эти достоинства почти непрерывно страдали отъ сосѣдства съ этимъ недостаткомъ; потому, что недостатки служатъ границами дарованія — а я занимаюсь въ эту минуту именно установленіемъ границъ, въ которыя былъ заключенъ Гюго. Отграничить — значить опредѣлить“.

Не нужно быть чувствительнымъ, —продолжаетъ Фагэ, —чтобы быть великимъ поэтомъ. Чувствительность въ поэзіи законна, но не необходима; она законна, когда соединяетъ въ себѣ два условія: сдержанность и искренность. Дарованіе Гюго представляется, съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно неровнымъ. Ему случалось достигать высшей силы, которую можетъ дать чувство, и случалось впадать въ обѣ крайности, при которыхъ чувствительность является недостаткомъ. Иногда онъ слишкомъ увлекается страстью (напр. гнѣвомъ), увлекается ею до неспособности облечь ее въ артистическую форму; иногда онъ описываетъ страсть, которой не переживалъ на самомъ дѣлѣ (напр. любовь) — и остается натянутымъ и холоднымъ. Иногда, наконецъ, его творчество совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда страсть, истинная и горячая, наполняетъ еще всю душу, но уже успокоилась настолько, что поддается художественному изображенію — и тогда онъ создаетъ произведенія, выше которыхъ нѣтъ ничего во французской, можетъ быть даже во всей новѣйшей литературѣ. Сюда относятся лучшія страницы „Châtiments“, —но рядомъ съ ними слишкомъ много другихъ, проникнутыхъ бѣшенствомъ и переполненныхъ бранью. Чувство любви къ дѣтямъ, къ семьѣ — самое